
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

INTERNATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.214

DOI [10.17150/1996-7756.2014.8\(4\).125-139](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4).125-139)

ИНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ

В.И. Борисов, В.С. Батыргареева

*Научно-исследовательский институт изучения проблем преступности им. академика В.В. Сташиса
Национальной академии правовых наук Украины, г. Харьков, Украина*

Информация о статье

Дата поступления

13 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

12 ноября 2014 г.

Дата онлайн-размещения

29 декабря 2014 г.

Ключевые слова

Наказание; иные уголовно-правовые последствия; принудительные меры медицинского и воспитательного характера; специальная конфискация

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения содержания понятия «иные уголовно-правовые последствия», которое на сегодняшний день в уголовном законодательстве Украины не раскрывается. Вместе с тем утверждается, что, несмотря на тот факт, что законодатель в Уголовном кодексе Украины 2001 г. попытался придать больше определенности и четкости вопросу правовой регламентации указанного института, однако лишь путем системного толкования нормативного материала, анализа доктринальных разработок и исследования истории законодательного решения данной проблемы в те или иные периоды развития нашего государства, можно установить перечень иных, кроме наказания, видов уголовно-правовых последствий. Системное толкование положений закона об уголовной ответственности позволяет сделать заключение, что данный перечень представлен прежде всего иными мерами уголовно-правового характера (разд. XIV УК Украины), мерами уголовно-правового характера относительно юридических лиц (разд. XIV¹ УК Украины) и принудительными мерами воспитательного характера (разд. XV УК Украины). В статье изложен теоретический подход к решению проблемы установления составляющих, охватываемых понятием «иные уголовно-правовые последствия», содержания и целей, оснований, условий и порядка применения указанных последствий в национальном законодательстве. По данному вопросу сделан обзор основных позиций, которые существуют в уголовно-правовой доктрине Украины. Одновременно анализируются соответствующие подходы в теории и практике РФ, некоторых государств постсоветского пространства, а также в уголовном законодательстве государств Западной Европы и Северной Америки. Сделан вывод, что УК Украины 2001 г. более детально, чем предыдущий закон об уголовной ответственности, регламентирует применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера. При этом изучение отечественных научных источников свидетельствует, что проблема иных уголовно-правовых последствий как таковая еще далека от своего окончательного решения, поскольку украинской уголовно-правовой науке в настоящее время присущ узко прагматический подход, ориентированный на раскрытие, хотя и всестороннее, но только какого-либо одного вида иных уголовно-правовых последствий. Кроме того, в статье проанализированы соответствующие законодательные новации в современном уголовном праве Украины. Особое внимание уделено установлению правовой природы специальной конфискации и ответственности юридических лиц.

THE OTHER CRIMINAL-LEGAL CONSEQUENCES OF COMMITTING SOCIALLY DANGEROUS ACTS

Borisov, Vyacheslav I., Batorygareieva, Vladislava S.

*Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems
National Ukrainian Academy of Law Sciences, Kharkov, Ukraine*

Article info

Received

2014 October 13

Accepted

2014 November 12

Abstract. The article studies the issue of defining the concept of «the other criminal-legal consequences», which is not yet disclosed in the criminal legislation of Ukraine. At the same time, it argues that despite the fact that the legislator tried to give more certainty and clarity on the issue of legal regulation of this institution in the Criminal Code of Ukraine in 2001, only by a systematic interpretation of legal material, analysis

Available online
2014 December 29

Key words

Punishment; other criminal-legal consequences; compulsory measures of a medical and educational nature; special confiscation

of doctrinal developments and research into the history of legislative decisions of this problem in different periods of development of our state a list of criminal-legal consequences other than punishment can be established. Systematic interpretation of the provisions of the law on criminal responsibility leads to the conclusion that this list is presented by the other criminal-legal measures (Sec. XIV of the Criminal Code of Ukraine), criminal-legal measures on corporate entities (Sec. XIV of the Criminal Code of Ukraine) and educational compulsory measures (Sec. XV of the Criminal Code of the Ukraine). The article describes the theoretical approach to the problem of establishing the components covered by the concept of «the other criminal-legal consequences», content and objectives, bases, conditions and procedures for the application of these consequences in the national legislation. The author reviews the basic positions on this issue of the criminal-legal doctrine of Ukraine. Relevant approaches in theory and practice of the Russian Federation, some post-Soviet states, and in the criminal law of Western Europe and North America countries are simultaneously analyzed in the article. It is concluded that the Criminal Code of Ukraine dated 2001 regulates the use of coercive measures of medical and educational nature in more detail than the previous law on criminal responsibility. The study of national scientific sources indicates that the problem of the other criminal-legal consequences is still far from its final decision, because the Ukrainian criminal-legal science currently uses narrowly pragmatic approach that focuses on comprehensive disclosure, but only of one kind of the other criminal-legal consequences.

In addition the paper analyzes relevant legislative innovations in the current Criminal Code of Ukraine. Particular attention is given to the establishment of the legal nature of the special confiscation and corporate entities responsibility.

В ч. 3 ст. 3 Уголовного кодекса Украины предусмотрено, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим кодексом. Вместе с тем законодателем не раскрывается понятие «иные уголовно-правовые последствия», как и не дано в законе перечня этих последствий. Единственное, что четко можно уяснить из законодательной формулировки «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия», это характер соотношения обозначенных в ней понятий. Если первое включает в себя признаки общего характера, то второе — специального. Посредством наказуемости законодатель оценивает опасность преступного деяния для общества и угрожает возможностью применения к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания. Однако если в отношении наказания в отечественном законодательстве об уголовной ответственности сложилась определенная «традиция» — аккумулировать положения о данном уголовно-правовом последствии, особым образом подчеркивая это в отдельных главах УК, в которых приводятся, в частности, понятие наказания, его цели и виды, нормы о назначении и т.п., то в отношении иных уголовно-правовых последствий путем системного толкования нормативного материала удастся сделать лишь определен-

ное предположение о видах таких последствий (о чем будет сказано ниже). В этой связи нельзя не согласиться с тем, что отсутствие необходимой строгости в употреблении того или иного понятия, в какой-то мере объяснимо для теоретических изысканий, вряд ли допустимо для применения законодательных формулировок [8, с. 36], призванных обозначать явления, стоящие в одном ряду с наказуемостью.

Вместе с тем такой подход законодателя к определению круга составляющих, подпадающих под общее понятие «уголовно-правовые последствия», через использование словосочетания «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия», является наглядным свидетельством смешанной природы некоторых институтов уголовно-правового регулирования, что обусловлено потребностью в соответствующей реакции социума на общественно опасные деяния или на действия, подобные им по форме проявления, путем заимствования для этого отдельных мер и средств, присущих феноменам иных сфер общественной жизни (медицине, психиатрии, педагогике, психологии, другим отраслям права и т.д.). В свою очередь, именно этим объясняется необходимость углубленного анализа понятия «иные уголовно-правовые последствия». К тому же обращение к столь сложной проблематике предопределяется и ак-

туальностью вопроса неуклонного соблюдения конституционных прав и свобод лиц, в отношении которых эти иные уголовно-правовые последствия могут применяться.

Несмотря на значительные доктринальные наработки в указанном направлении и законодательном закреплении как самой идеи, так и различных составляющих комплексного института иных уголовно-правовых последствий, вопросы его определения, установления составляющих, их содержания и целей, оснований, условий и порядка применения отдельных подынститутов и др. на сегодня не получили окончательного решения. Это подтверждается наличием ряда спорных позиций в теории уголовного права, пробелами в законодательном урегулировании многих аспектов применения составляющих указанного института и значительными трудностями, возникающими в этой связи в правоприменительной практике.

Одним из таких проблемных вопросов в первую очередь является *установление перечня* возможных видов правовых реакций, охватываемых понятием «иные уголовно-правовые последствия», на совершение определенных общественно опасных деяний. Ведь от этого будет зависеть и дальнейший ход рассуждений в определении сущностных признаков и свойств данного института уголовного права в целом. Пытаясь установить этот перечень, в методологическом плане своеобразными ориентирами поиска следует признать, во-первых, обращение к истории законодательного решения данной проблемы в прошлом, во-вторых, рассмотрение законодательного подхода к аналогичной проблеме в УК РФ и некоторых других государствах постсоветского пространства, а также в уголовном законодательстве стран Западной Европы и Северной Америки [36–40], в-третьих, обзор основных позиций по данному вопросу в теории уголовного права, в-четвертых, анализ соответствующих законодательных новаций в уголовном праве, произошедших в последнее время в Украине. Но прежде чем воспользоваться обозначенными ориентирами, необходимо сделать одно важное пояснение, касающееся уточнения предмета исследования, которому посвящена данная публикация.

Итак, базовая норма, в которой упоминается об иных уголовно-правовых последствиях совершения общественно опасного деяния, за-

креплена в уже упомянутой выше ч. 3 ст. 3 УК Украины. Представляется вполне логичным, что таковыми последствиями (с акцентом на слово «иные») охватывается все то, что следует за совершением преступления, исключая собственно наказание, полностью поглощаемое категорией «наказуемость», о которой также говорится в этой части статьи. Причем нетрудно сделать заключение, что за совершением преступления могут следовать, помимо наказания, освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания, и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, и судимость, и применение в определенных случаях принудительных мер медицинского и воспитательного характера, и специальная конфискация, и др. Как видим, спектр возможных последствий совершения преступления очень велик.

В ситуации отсутствия законодательного определения понятия «иные уголовно-правовые последствия» совершения общественно опасного деяния, на наш взгляд, целесообразно ограничить объем данных последствий определенной группой предусмотренных законом мер, которые не вызывают сомнений относительно их принадлежности к уголовно-правовым последствиям, обозначенным законодателем как «иные». При этом, обосновывая связь категорий «последствия» и «меры», мы прибегаем к опыту законодательного изложения соответствующих положений, содержащихся в ч. 2 ст. 2, разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ, в которых, в отличие от украинского законодательства, выдержано терминологическое единство: в анализируемых словосочетаниях используется только термин «меры». Таким образом, пытаясь установить перечень иных уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, мы должны идти по пути выделения прежде всего тех из них, в которых индикатором их принадлежности к исследуемому понятию является слово «меры». Такой подход позволяет вычленивать иные уголовно-правовые последствия в собственном смысле слова или в узком их понимании. Поэтому при анализе в данной публикации *иных* уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, о которых идет речь в ч. 3 ст. 3 УК Украины, мы будем придерживаться логики именно такого

подхода к толкованию указанных последствий (конечно же, с необходимыми пояснениями и иллюстрациями различных точек зрения, иногда выходящих за пределы очерченного выше предмета исследования).

Изучение уголовного законодательства советского периода дает возможность отметить, что в правовом поле уже давно были «прописаны» *принудительные меры воспитательного и медицинского характера*. В уголовных кодексах УССР 1922 и 1927 гг. и даже ранее — в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹ — указанные меры, наряду с мерами репрессивного характера, составляли известную триаду понятия «меры социальной защиты», хотя последний термин как обобщающий для всех перечисленных мер закрепился лишь в 1927 г. Так, в ст. 5 УК УССР 1927 г. (в котором законодатель, кстати, отказался от понятия наказания вплоть до 1934 г.) уже четко отмечалось, что к мерам социальной защиты относятся меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. К мерам социальной защиты медицинского характера относились принудительное лечение и помещение лица в медико-изоляционные учреждения, а к мерам социальной защиты медико-педагогического характера — установление опеки, передача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам, учреждениям и организациям, а также помещение в специальные заведения — реформаториумы (ст. 23, 24 УК УССР 1927 г.). Позже эти меры, причем в их нынешнем терминологическом обозначении, были восприняты УК УССР 1960 г. (ст. 11 «Принудительные меры воспитательного характера», ст. 13 «Принудительные меры медицинского характера»). Но до принятия в 2001 г. нового УК Украины на протяжении почти 40 лет существовала парадоксальная ситуация: на каком основании эти меры входили в предмет уголовно-правового регулирования? Ведь предыдущий кодекс, в отличие от ныне действующего, регламентируя вопросы преступности и наказуемости деяния, ничего не говорил о каких-либо иных уголовно-правовых последствиях совершения общественно опасно-

го деяния, к которым традиционно и относится в первую очередь применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера.

УК Украины 2001 г. более детально, чем предыдущий закон, регламентирует применение принудительных мер медицинского характера. Понятие и цель таких мер, их виды, круг лиц, к которым они могут быть применены, а также общий порядок их назначения, продления, изменения или прекращения предусмотрены в разд. XIV УК. Относительно принудительных мер воспитательного характера следует отметить, что они предусмотрены разд. XV «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». По сравнению с УК 1960 г. нормами настоящего раздела расширены возможности применения таких мер. Так, освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности возможно не только за совершение впервые преступления небольшой тяжести (по терминологии УК 1960 г. — преступления, не представляющего большой общественной опасности), но и за совершение впервые неосторожного преступления средней тяжести. При освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера законом вообще не требуется, чтобы преступление небольшой или средней тяжести было совершено впервые. Суд, установив наличие искреннего раскаяния и последующего безупречного поведения лица на момент постановления приговора, не должен доказывать, что исправление подростка, освобожденного от наказания, может быть достигнуто путем применения воспитательных мер принудительного характера, как это требуется во время освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Если обратиться к УК РФ 1996 г., то можно увидеть, что законодатель этого государства, пытаясь придать большую определенность и четкость правовой регламентации института иных мер уголовно-правового характера, в отдельной одноименной главе относит к таковым принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества², в то время как при-

¹ В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. предусматривались как меры воспитательного (приспособления), так и медицинского (лечебные меры и меры предосторожности) характера (подробнее см.: [27]).

² В Украине подобный институт получил в УК несколько иное название — «иные уголовно-правовые последствия», что дает возможность его более ограниченного толкования, в частности рассматривать его как дополнительное средство решения задач уголовного права.

нудительные меры воспитательного воздействия как будто искусственно, по каким-то субъективным соображениям целесообразности и удобства в изложении нормативного материала или, возможно, «случайно» (?), в УК РФ 1996 г. вынесены за пределы этой главы (хотя по своей сути принудительные меры воспитательного характера тяготеют ближе к обозначенному институту, нежели отдельные случаи принудительных мер медицинского характера). Кстати, в УК Эстонии меры воздействия медицинского и воспитательного характера объединены в общую главу 6 «Меры воздействия медицинского и воспитательного характера».

Безусловно, такой законодательный подход сказался на развитии этого вопроса в теории уголовного права РФ. Так, если до изменений, внесенных в разд. VI УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, даже утверждалось, что принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия нельзя считать уголовно-правовыми мерами, поскольку они не имеют уголовно-правовой природы [8, с. 37], то после этого события, например, авторы учебника «Уголовное право России. Часть Общая» (2012) призвали строго придерживаться буквы закона, относя к мерам уголовно-правового характера только те из них, на которые прямо указывается в разд. VI УК РФ [31, с. 533–557]. В то же время другие ученые утверждают, что законодатель произвольно объединил в одном разделе два совершенно разных уголовно-правовых института: институт принудительного лечения и институт конфискационных мер [20, с. 83–84]. Также существует мнение, что меры уголовно-правового характера следует дополнить еще и принудительными мерами воспитательного воздействия [3; 10], предлагая при этом перенести нормы о применении данных мер в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ с выделением в нем отдельной одноименной главы под названием «Принудительные меры воспитательного воздействия» [13].

Если обратиться к ч. 2 ст. 2, ст. 3, 6 и 7 УК РФ, то нетрудно увидеть, что иные меры уголовно-правового характера устанавливаются за совершение *преступления*. В такой ситуации ряд случаев применения принудительных мер медицинского характера (например, к невменяемым, лицам, совершившим преступление

в состоянии вменяемости, но в дальнейшем заболевших психической болезнью) по логике законодателя не может регламентироваться нормами уголовного закона, а следовательно, не является сферой уголовно-правового воздействия. И действительно, некоторые ученые, подчеркивая этот факт, отмечают, что к числу иных мер уголовно-правового характера следует относить те из них, которые сами по себе являются уголовно-правовыми, т.е. меры, применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности. По данному параметру, по мнению И.Э. Звечаровского, из числа мер уголовно-правового характера следует исключить принудительные меры медицинского характера, а также меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [8, с. 37]. В свое время некоторые авторы предлагали даже перенести положения уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера в соответствующие разделы гражданского, гражданско-процессуального законодательства и законодательства об охране здоровья [4]. Однако уже на современном этапе развития уголовного законодательства С.И. Курганов (очевидно, не без влияния законодательного подхода к решению проблемы иных мер уголовно-правового характера) делает вывод с точностью до наоборот: из того, что в ч. 2 ст. 2 УК РФ говорится о мерах уголовно-правового характера за совершение преступлений, еще не следует, что все меры уголовно-правового характера применяются только за их совершение [17, с. 59].

Пытаясь найти выход из ситуации несогласованности законодательного подхода к пониманию иных мер уголовно-правового характера с некоторыми случаями применения принудительных мер медицинского характера, а также конфискации имущества и принудительных мер воспитательного воздействия, В.Д. Филимонов, в частности, предлагает компромиссное решение: меры медицинского характера и конфискация имущества назначаются *не за совершение преступлений, а в связи с совершением преступлений или иных общественно опасных деяний*. Указанные меры ученый считает необходимым относить к мерам безопасности, поскольку собственно меры уголовно-правового характера не могут существовать вне пределов уголовно-правовых отношений. В свою очередь, принуди-

тельные меры воспитательного воздействия он предлагает относить к мерам административной ответственности, применяемым судом¹ [32, с. 37]. В то же время ученым подчеркивается, что все перечисленные меры, хотя и не могут рассматриваться как меры уголовно-правового характера, поскольку имеются основания *считать их мерами, имеющими уголовно-правовое значение*, вполне обоснованно включены в текст уголовного закона (например, принудительные меры медицинского характера уточняют основания применения уголовной ответственности и наказания; нормы, относящиеся к конфискации имущества, позволяют выявить разницу между конфискацией как уголовным наказанием и мерами, направленными на изъятие у преступника средств совершения преступления, а также имущества, добытого в результате совершения преступлений или предназначенного для их совершения; возможность исправления несовершеннолетних путем применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия является одним из условий освобождения от уголовной ответственности и наказания) [32, с. 37–38].

В любом случае тогда справедливо возникает вопрос: а что же относить к иным мерам уголовно-правового характера, на которые прямо указывает уголовный закон, и является ли этот список исчерпывающим? «Если исключить принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия и конфискацию имущества из числа «иных мер уголовно-правового характера», то о каких «иных мерах уголовно-правового характера за совершение преступления» говорит ч. 2 ст. 2 УК РФ?» — справедливо задается вопросом С.И. Курганов [17, с. 62].

Как видим, в современной российской уголовно-правовой науке обязательным пунктом

¹ Аналогичную позицию в плане отнесения принудительных мер медицинского характера к мерам безопасности занимают и другие ученые, в частности Г.В. Назаренко, А.Б. Меджидова, Р.И. Михеев, С.В. Полубинская и др. (подробнее см.: [35, с. 42; 19, с. 38; 25, с. 413–414; 18, с. 729; и др.]). К слову, уголовному праву многих современных зарубежных государств также известно понятие «меры безопасности», в том числе «меры безопасности медицинского характера». Данный термин употребляется, например, в законодательстве США, Франции, Испании, Болгарии, Республики Беларусь. Иногда эти меры в юридической литературе именуется социальными мерами защиты.

дискуссий в области, о которой идет речь, становится вопрос содержательного наполнения понятия «иные меры уголовно-правового характера» перечнем его составляющих. Анализ взглядов относительно этих составляющих позволяет прийти к выводу, что существуют не только значительно различающиеся интерпретации данного понятия, основанные на разном понимании природы и оснований применения тех или иных мер, но и различные их комбинации, которыми обуславливается соответственно и содержание данного понятия. Причем своеобразным водоразделом в разнообразии предлагаемых позиций может быть констатация такого факта: придерживается ли тот или иной ученый, так сказать, традиционных взглядов на эту проблему, которые сформированы, в частности, под влиянием решения данной проблемы законодателем, или исследователь является сторонником широкого подхода к определению видов иных мер уголовно-правового характера, что отражается, в частности, в расширении перечня указанных мер за счет включения в него тех из них, которые полностью охватываются наказуемостью.

Примером традиционного подхода (с учетом законодательных новелл последнего времени) является позиция российских исследователей С.И. Курганова и Ф.Б. Гребенкина, которые, солидаризируясь с законодательным подходом к определению круга иных мер уголовно-правового характера, отмечают, что эти меры включают принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества [5, с. 219–257; 17, с. 59].

Представителем широкого подхода следует признать уже упоминавшегося В.Д. Филимонова, который отмечает, что иными мерами уголовно-правового характера могут считаться лишь меры уголовной ответственности, применяемые, как и наказания, за совершение преступлений. На этом основании к иным мерам уголовно-правового характера по смыслу ч. 2 ст. 2 и ст. 6 УК РФ он предлагает относить условное осуждение и отсрочку от отбывания наказания [32, с. 40]. Из контекста рассуждений И.Э. Звечаровского к иным мерам уголовно-правового характера следует относить все виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, условное осуждение, замену неотбытой части наказания более мягким (или более суровым) наказанием и снятие судимости [8, с. 36–37]. В то же время

в литературе также встречается мнение, что к иным мерам уголовно-правового характера относятся принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера [12, с. 28; 13; 26, с. 14], выдача лица, обвиняемого в совершении преступления, иностранному государству [15, с. 10], а также условное осуждение и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей [6, с. 16].

Как видим, почти в любой попытке установить перечень мер уголовно-правового характера, в частности тех, к которым добавляется прилагательное «иные», внимание исследователей — представителей широкого подхода, помимо проблемы их определения, перемещается в плоскость возможного соотношения этих мер с формами реализации уголовной ответственности. Так, утверждается, что применение иных мер уголовно-правового характера происходит, как правило, вместо уголовной ответственности; принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, условное осуждение, отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение, некоторые дополнительные наказания и судимость можно считать своеобразными формами реализации уголовной ответственности, к ним не относятся только принудительные меры, применяемые к лицам, страдающим психическими заболеваниями [2, с. 142; 11, с. 287]. Исходя из последнего утверждения логичным представляется отнесение всех иных мер уголовно-правового характера к формам реализации уголовной ответственности.

Такой путь к установлению перечня иных мер уголовно-правового характера (посредством выяснения их возможного соотношения с формами реализации уголовной ответственности), по мнению многих ученых, считается методологически правильным и логически обоснованным (К.А. Бузанов, И.Э. Звечаровский, С.В. Землюков, Т.М. Калинина, И.А. Коновалова, С.И. Курганов, В.В. Палий и др.).

Исследованием отдельных составляющих, отнесенных отечественной правовой доктриной к уголовно-правовым последствиям (их сущности, понятия, условий и порядка применения и т.п.), занимались и продолжают заниматься мно-

гие украинские ученые (Ю.В. Баулин, В.Н. Бурдин, Н.А. Гуторова, А.А. Житный, И.В. Жук, М.М. Книга, Л.Н. Кривоченко, В.В. Лень, А.А. Музыка, В.А. Навроцкий, Н.И. Панов, Ю.А. Пономаренко, А.М. Собко, Е.В. Фесенко, Н.И. Хавронюк, П.В. Хряпинский, О.А. Ямковая, С.С. Яценко, А.Н. Яценко и др.). Анализ отечественных научных источников свидетельствует, что проблема иных уголовно-правовых последствий еще далека от окончательного решения, не говоря уже о доминировании какой-либо одной устоявшейся позиции, по крайней мере относительно перечня таких последствий. В этом плане *украинской уголовно-правовой науке присущ более узко прагматический подход, ориентирующийся на раскрытие, хотя и всестороннее, но только какого-либо одного вида иных уголовно-правовых последствий.*

Лишь немногочисленные исследования украинских авторов можно рассматривать как такие, в которых предпринимается попытка более или менее системно представить перечень иных уголовно-правовых последствий. Среди работ последнего времени следует выделить научную публикацию Н.И. Хавронюка под названием «Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають». В этой публикации ученый, в частности, отмечает, что под такими мерами, очевидно, следует понимать: судимость; принудительные меры воспитательного характера, кроме случаев применения их к лицу, совершившему общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого может наступить уголовная ответственность; принудительные меры медицинского характера; принудительное лечение; конфискацию (изъятие) и уничтожение определенных предметов, инструментов, сырья и материалов для их производства [33, с. 6].

Если обратиться к анализу отечественной литературы по уголовному праву, вышедшей в свет некоторое время назад, которой также присущ определенный элемент системного подхода в изложении научного взгляда на проблему, о которой идет речь, то можно сделать вывод, что к числу иных уголовно-правовых последствий были отнесены по крайней мере принудительные меры медицинского характера, принудительное лечение и принудительные меры воспитательного характера. Например, В.М. Трубников и А.А. Яровой однозначно подчеркнули, что к этим последствиям относятся

прежде всего принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение, принудительные меры воспитательного характера [30, с. 138]. И.В. Жук прямо отметила, что в уголовно-правовом аспекте принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение не являются наказанием, а относятся к иным уголовно-правовым последствиям общественно опасного деяния [7, с. 6]. При этом отметим, что своеобразной чертой украинского законодательства по определению иных уголовно-правовых последствий является то, что как отдельное такое последствие рассматривается и принудительное лечение. Кстати, принудительные меры лечения предусмотрены и в УК Республики Беларусь, однако из законодательных положений этого УК следует, что принудительные меры безопасности и лечения — единый и неделимый комплекс мер, применяемых к психически больным, совершившим общественно опасные деяния, лицам с уменьшенной вменяемостью, а также к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Фактически под мерами безопасности в УК Белоруссии понимается то, что по украинскому законодательству считается принудительными мерами медицинского характера. В свою очередь, в УК Армении принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение употребляются как синонимы.

Относя принудительные меры медицинского и воспитательного характера к иным уголовно-правовым последствиям, лишь заметим, что эти меры применяются не только в связи с совершением преступления, но и в случаях совершения лицами общественно опасных деяний, предусмотренных УК (речь идет, в частности, о невменяемых лицах, а также лицах, не достигших возраста уголовной ответственности). То есть, как видим, данный институт связан не только с преступностью, но и с общественно опасными деяниями, не признаваемыми по уголовному закону преступлениями, однако признаки которых описаны в нормах Особенной части УК [28]. В таких случаях складывается впечатление, что уголовный закон выходит за пределы своей «компетенции». Несмотря на возможность такого вывода, применение данных мер, еще раз подчеркнем, связано с совершением именно общественно опасных деяний, оценка которых является прерогативой уголовного права. И этот

факт свидетельствует о *правомерности «вмонтирования» норм об иных уголовно-правовых последствиях, ряд из которых по своей природе не являются нормами уголовного права, в материю законодательства Украины об уголовной ответственности.*

Что касается *конфискации имущества*, то в рассматриваемый временной период (напомним: со времени установления советской власти на большей части территории Украины и до сегодняшнего дня) ее относили сначала к системе наказаний, позже — к мерам социальной защиты судебно-исправительного характера и снова — к системе наказаний. При этом уголовный закон советской эпохи фактически предусматривал и такой вид конфискации имущества, который получил название *специальной* и относительно природы которого, а соответственно, и места специальной конфискации в системе уголовно-правовых институтов и до настоящего времени высказываются различные взгляды. В Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Украины (2013) отмечается, что специальная конфискация как особая мера принудительного характера распространяется на предметы, признанные вещественными доказательствами по делу (ст. 98 УПК), и применяется на основании ч. 9 ст. 100 УПК. В то же время этот вид конфискации предусматривается и в уголовном законе (более чем в 60 санкциях статей Особенной части УК) [16, с. 235].

Если обратиться к уголовному законодательству стран бывшего СССР, то Уголовным кодексом РФ конфискацию имущества (специальную конфискацию) отнесли к иным мерам уголовно-правового характера с дополнением в 2006 г. разд. VI УК соответствующей одноименной главой 15¹ «Конфискация имущества». При этом, как уже отмечалось, из числа наказаний конфискация имущества изъята. В УК Молдовы как мера безопасности предусмотрена именно специальная конфискация, случаи применения которой, однако, во многом совпадают с предусмотренными в УК РФ. Причем в ст. 106 УК Молдовы «Специальная конфискация» приведено как определение этой конфискации, так и исчерпывающий перечень имущества, которое подлежит специальной конфискации. Кстати, подобное законодательное решение имеет давние теоретические корни. В специальной литературе в свое время высказывалось мнение

о нецелесообразности сохранения общей конфискации всего или части имущества виновного лица и замене ее конфискацией специальной (орудий и предметов преступления), поскольку общая конфискация нередко затрагивает имущественные интересы невиновных лиц, предусматривает изъятие предметов и вещей, приобретенных в том числе законным путем, и др. [9, с. 100–101; 34, с. 41–43]. Как видим, общая и специальная конфискация, их правовая природа, соотношение и т.п. — это многомерная проблема, разрешение которой требует системности в подходах к вопросам содержания конфискации, ее видов, определения отраслевой принадлежности и др. В любом случае, пытаюсь найти истину, как кажется на первый взгляд, в замкнутом круге, методологически правильным представляется выделение в законодательстве возможных видов конфискации. Именно таким путем, как будет показано ниже, и пошел украинский законодатель. В настоящее время отечественным законодательством об уголовной ответственности, во-первых, прямо закреплена конфискация имущества как вид наказания; во-вторых, дано определение и установлен перечень тех случаев конфискации имущества, которые, не будучи наказанием, отнесены к иным уголовно-правовым последствиям и обозначены термином «специальная конфискация». В то же время и нормами уголовного процессуального законодательства предполагается по сути применение специальной конфискации. Так, исходя из практики признания на основании ст. 100 УПК Украины того или иного изъятого имущества вещественными доказательствами в уголовном производстве, специальной конфискацией охватываются случаи изъятия: 1) денег, ценностей и иного имущества, которые принадлежат обвиняемому и были приисканы, изготовлены, приспособлены или использованы как средства или орудия совершения уголовного правонарушения; 2) денег, ценностей и иного имущества, которые предназначались для склонения лица к совершению уголовного правонарушения, финансирования и (или) материального обеспечения уголовных правонарушений или вознаграждения за их совершение; 3) имущества, изъятого из оборота, с целью дальнейшей передачи соответствующим учреждениям или уничтожения; 4) денег, ценностей и иного имущества, которые были объектом уголовного правонарушения или иного обще-

ственно опасного деяния, с целью возвращения законным владельцам, а в случае их неустановления — передачи в доход государства; 5) денег, ценностей и иного имущества, приобретенного в результате совершения уголовного преступления, а также доходов от них с целью передачи в доход государства.

Кстати, в юридической литературе в свое время была высказана позиция, состоящая в том, что в современном уголовном законодательстве Украины и России предусмотрено несколько различных видов конфискации имущества. Первый из них — это так называемая не уголовно-правовая конфискация имущества (специальная конфискация); второй — уголовно-правовая конфискация имущества как иная уголовно-правовая мера, а именно как мера защиты от злоупотреблений виновным правом собственности на определенные вещи; третий (только в УК Украины) — уголовно-правовая конфискация как вид наказания [21, с. 652]. При таком подходе к природе конфискации вообще снимается вопрос об отнесении специальной конфискации к иным уголовно-правовым последствиям, поскольку конфискация, подпадающая под вторую из приведенных разновидностей, проявляется в изъятии орудий и средств совершения преступления, законно находящихся у лица на праве собственности. Вместе с тем отмечается, что специальная конфискация представляет собой случай закрепления не уголовно-правовой нормы в уголовном законе [21, с. 651].

Определенную точку в раскрытии правовой природы специальной конфискации поставил законодатель Украины. В апреле 2013 г. Верховной Радой принят Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины)» [24]. Как было отмечено в Пояснительной записке к проекту указанного закона, его принятие обусловлено необходимостью приведения норм действующего законодательства Украины в соответствие с положениями Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией в части введения процедуры специальной конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний.

Для достижения этой цели, во-первых, было изменено название разд. XIV «Принуди-

тельные меры медицинского характера и принудительное лечение» Уголовного кодекса на «Иные меры уголовно-правового характера», раздел дополнен новыми статьями — 96¹ «Специальная конфискация» и 96² «Случаи применения специальной конфискации», которыми определяются понятия специальной конфискации, ее предмет и порядок применения; во-вторых, в санкции ряда статей Особенной части УК Украины (с изменением названий некоторых из них в связи с исключением термина «взятка») включены положения, предполагающие специальную конфискацию (ст. 364 «Злоупотребление властью или служебным положением», 366 «Служебный подлог», 368 «Принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом», 368² «Незаконное обогащение», 369 «Предложение или предоставление неправомерного преимущества должностному лицу», 369² «Злоупотребление влиянием»); в-третьих, в новой редакции изложены соответствующие статьи УПК Украины, которыми регулируются вопросы применения специальной конфискации конкретного имущества, в частности процессуальный механизм ее обеспечения. Следствием принятия этого документа стало введение действенного механизма конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний, что в целом положительно должно повлиять на уменьшение уровня коррупции в государстве, способствовать преодолению негативных последствий от коррупционных деяний и минимизировать ущерб государству, причиненный совершением коррупционных деяний должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления¹.

В мае 2014 г. Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» [22] в указанный выше нормативно-правовой

¹ Следует обратить внимание на терминологию, примененную в этом законе. Новый раздел имеет название «Иные меры уголовно-правового характера», хотя в ч. 3 ст. 3 УК Украины указывается на «иные уголовно-правовые последствия». Очевидно, такой подход не избежал некоторого влияния со стороны российской законодательной практики.

акт были введены некоторые коррективы, которыми, во-первых, расширен круг преступных деяний, за совершение которых возможно применение специальной конфискации (ст. 354 «Подкуп работника предприятия, учреждения или организации», 364¹ «Злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы», 365² «Злоупотребление полномочиями лицами, которые предоставляют публичные услуги»); во-вторых, исключено применение специальной конфискации за совершение служебного подлога, предусмотренного ст. 366 УК; в-третьих, предусматривается, что специальная конфискация применяется не только при условии совершения преступления, предусмотренного ст. 354 и ст. 364, 364¹, 365², 368–369² разд. XVII Особенной части УК, но и при совершении общественно опасного деяния, подпадающего под признаки деяния, предусмотренного указанными статьями, а также в случаях, когда лицо не подлежит уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, или невменяемостью либо освобождается от уголовной ответственности или наказания по основаниям, предусмотренным настоящим кодексом, кроме освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

Отдельно следует сказать несколько слов о *некоторых новациях уголовных кодексов республик бывшего СССР* в перечне тех мер, которые их уголовным законодательством отнесены к иным уголовно-правовым последствиям. К таким новациям, например, можно отнести в УК Молдовы обязательную химическую кастрацию в отношении сексуальных насильников несовершеннолетних. Примечательно, что впоследствии Конституционным судом Молдовы данная норма признана неконституционной [14]. Интересно, что среди иных уголовно-правовых последствий (по терминологии УК Молдовы — мер безопасности) в отдельной главе указываются и принудительные меры медицинского и воспитательного характера, высылка и специальная конфискация. В отдельной главе VIII¹, которой дополнен в 2005 г. УК Латвии, предусмотрены принудительные меры воздействия, применяемые к юридическим лицам. К перечню видов этих мер относят: ликвидацию юриди-

ческого лица, ограничение прав, конфискацию имущества и денежное взыскание.

В мае 2013 г. Верховной Радой Украины принят еще один нормативно-правовой акт, который имеет непосредственное отношение к проблеме иных уголовно-правовых последствий. Речь идет о Законе Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц)» [23], целью которого является введение возможности *применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера* в связи с совершением их уполномоченными лицами от имени и в интересах юридического лица любого из преступлений, предусмотренных ст. 209, 306, ч. 1 и 2 ст. 368², ч. 1 и 2 ст. 368⁴, ст. 369, 369² УК, а также ст. 109, 110, 113, 146, 147, 160, 260, 262, 436–438, 442, 444, 447, или же с совершением уполномоченным лицом от имени юридического лица какого-либо из преступлений, предусмотренных ст. 258–258⁵. Указанным законом Уголовный кодекс Украины дополнен новым разделом XIV-1 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», а также определены основания и общие правила применения к юридическим лицам таких мер уголовно-правового характера, как штраф, конфискация имущества, ликвидация юридического лица. Закон Украины от 23 мая 2013 г. № 314-VII должен был вступить в силу с 1 сентября 2014 г. Но через год (май 2014 г.) этот документ выше уже указанным Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» дополнен некоторыми новыми положениями. В частности, им предусматривается, что основанием для применения к юридическому лицу мер уголовно-правового характера выступает необеспечение выполнения возложенных на его уполномоченное лицо законом или учредительными документами юридического лица обязанностей по принятию мер по предотвращению коррупции, что привело к совершению любого из преступлений, предусмотренных в ст. 209 и 306, ч. 1 и 2 ст. 368³, ч. 1 и 2 ст. 368⁴, ст. 369 и 369² УК. Упомянутый

закон, дополнивший по сути положения Закона Украины от 23 мая 2013 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц)», вступил в силу с 14 мая 2014 г.

Данные нормативно-правовые акты, на наш взгляд, являются свидетельством компромиссного подхода к проблематике установления ответственности юридических лиц путем использования законодательства об уголовной ответственности. Одной стороной этого компромисса выступает группа ученых, высказывающих в доктрине уголовного права радикальную позицию, суть которой заключается в том, что при ограничении круга субъектов преступлений только физическими лицами не раскрывается вся полнота причин наступивших общественно опасных последствий, заключающихся не только в поведении обвиняемого, но и в деятельности организации в целом, которую он представляет [29, с. 467]. Поэтому установление *уголовной* ответственности юридических лиц создаст условия для быстрой и неотвратимой ответственности, в частности, за экологические, некоторые экономические, компьютерные и другие преступления [1, с. 154]. В Украине подобный подход разделяют Б.М. Грек, В.К. Гришук, В.Н. Куц, Л.И. Шеховцова и др. Второй стороной этого компромисса является многочисленная группа ученых, которые категорически возражают против установления уголовной ответственности юридических лиц. Видимо, поэтому перед законодателем неоднократно ставился вопрос об установлении принудительных мер воздействия уголовно-правового характера в отношении юридических лиц в несколько смягченной форме, и действительно, в тексте указанного закона не использован термин «уголовная ответственность юридических лиц», который собственно и был камнем преткновения. Вместо этого законодатель в отношении юридических лиц оперирует словосочетанием «меры уголовно-правового характера». Такое решение, наверное, является расчетом разработчиков данного закона на лояльный подход со стороны их оппонентов к указанным нововведениям, которые, считаем важным заметить, «созвучны» с положениями международно-правовых актов.

Если мы обратимся к текстам таких международных документов, ратифицированных Украиной, как Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией от 27 января 1999 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. и Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., то увидим, что они не требуют установления для юридических лиц именно *уголовной* ответственности. Поэтому можно сделать вывод, что указанные конвенционные документы не обязывают Украину устанавливать именно *уголовную* ответственность юридических лиц за совершение уголовных правонарушений, а лишь рекомендуют выбрать наиболее эффективный вид ответственности юридических лиц, оставив этот вопрос на усмотрение государства.

Кстати, волна научной дискуссии по этому вопросу сказывается и на законодательной практике. Так, уже неоднократно (и не только на законодательном уровне) наблюдались колебания национального законодателя в поисках оптимального варианта разрешения ситуации с возможностью привлечения к ответственности юридических лиц. Таким примером может служить Закон Украины от 11 июня 2009 г.

№ 1507-VI «Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений» (утративший силу через четыре дня после вступления в действие), которым предусматривалась именно уголовная ответственность юридических лиц.

И напоследок поставим еще один вопрос: нужно ли «собирать» все иные уголовно-правовые последствия в одном разделе закона об уголовной ответственности, как это сделано, например, в уголовных кодексах ряда зарубежных стран? Очевидно, проблема размещения нормативного материала в УК решается в соответствии с национальными правовыми традициями того или иного государства. В Украине уголовно-правовые последствия совершения общественно опасных деяний никогда не содержались в отдельном разделе (главе). Эти последствия по своей природе, целям, основаниям применения и др., как неоднократно уже отмечалось, являются весьма разными. Поэтому специальное создание еще одного отдельного раздела в УК будет выглядеть достаточно искусственным. Кроме чисто внешнего, механистического сочетания положений, трудно будет обнаружить логику в необходимости данного шага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е.Ю. К вопросу о целесообразности уголовной ответственности юридических лиц / Е.Ю. Антонова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. — С. 152–155.
2. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. — Минск : Вышэйш. шк., 1976. — 384 с.
3. Батанов А.Н. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера / А.Н. Батанов, М.Ф. Костюк, В.А. Посохова, Т.М. Калинина. — М. : Проспект, 2011. — 320 с.
4. Беляев В.Г. Уголовное право и невменяемость / В.Г. Беляев // Вопросы профилактики общественно опасных действий, совершаемых психически больными / отв. ред. Г.А. Макеев ; редкол. : Н.М. Ахмедов, В.Г. Беляев и др. — Волгоград : Изд-во Волгогр. мед. ин-та, 1981. — С. 14–15.
5. Гребенкин Ф.Б. Меры уголовно-правового характера и их применение / Ф.Б. Гребенкин. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 264 с.
6. Гришко А.Я. Российское уголовно-исполнительное право : курс лекций / А.Я. Гришко, А.А. Захаров, В.Д. Иванов, А.И. Шилов ; под ред. О.В. Филимонова. — М. : Юрид. ин-т МВД России, 2000. — 125 с.
7. Жук І.В. Примусові заходи медичного характеру та примусове лікування у кримінальному праві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / І.В. Жук ; Київ. нац. ун-т внутр. справ МВС України. — Київ, 2009. — 20 с.
8. Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды / И. Звечаровский // Законность. — 1999. — № 1. — С. 36–39.
9. Иванов К.Н. Должна ли сохраняться конфискация имущества как вид уголовного наказания / К.Н. Иванов // Советское государство и право. — 1958. — № 9. — С. 100–101.
10. Калинина Т.М. Иные меры уголовно-правового характера : науч.-практ. коммент. / Т.М. Калинина, В.В. Палий. — М. : Проспект, 2011. — 150 с.
11. Келина С.Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права / С.Г. Келина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. — С. 283–288.
12. Колмаков П. Понятие и сущность принудительных мер медицинского характера / П. Колмаков // Уголовное право. — 2003. — № 3. — С. 27–29.
13. Коновалова И. Принудительные меры воспитательного воздействия как инструмент предупреждения корыстных преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] / И. Коновалова // Право и жизнь. — 2008. — № 125 (8). — Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru/arch/n125.aspx>.

14. Конституційний суд проти хімії // Юридичний вісник України. — 2013. — 13–19 лип. — С. 9.
15. Кримінальне право України: Загальна частина : підручник / Ю.В. Александров, В.І. Антипов, М.В. Володько та ін. ; відп. ред. Я.Ю. Кондратьев ; наук. ред. В.А. Клименко, М.І. Мельник. — Київ : Правові джерела, 2002. — 431 с.
16. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. — 5-е вид., допов. — Харків : Право, 2013. — Т. 1. — 376 с.
17. Курганов С. Меры уголовно-правового характера / С. Курганов // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 59–63.
18. Курс российского уголовного права. Общая часть / С.В. Бородин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер, В.Н. Кудрявцев и др. ; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. — М. : Спарк, 2001. — 767 с.
19. Меджидова А.Б. Принудительные меры медицинского характера / А.Б. Меджидова // Российская юстиция. — 2007. — № 1. — С. 37–38.
20. Назаренко Г.В. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера / Г.В. Назаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы 3-го Рос. конгр. уголов. права, 29–30 мая 2008 г. — М. : Проспект, 2008. — С. 83–85.
21. Пономаренко Ю.А. Конфискация имущества в уголовном праве и законодательстве / Ю.А. Пономаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы 3-го Рос. конгр. уголов. права, 29–30 мая 2008 г. — М. : Проспект, 2008. — С. 651–652.
22. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України : закон України від 13 травня 2014 р. № 1261-VII // Офіційний вісник України. — 2014. — № 45. — Ст. 1182.
23. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб : закон України від 23 травня 2013 р. № 314-VII // Відомості Верховної Ради України. — 2014. — № 12. — Ст. 183.
24. Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України (стосовно виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України) : закон України від 18 квітня 2013 р. № 222-VII // Офіційний вісник України. — 2013. — № 46. — Ст. 1629.
25. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / под ред. А.И. Коробеева. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — Т. 2 : Наказание. — 500 с.
26. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г.Н. Борзенков и др. ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. — Т. 1 : Общая часть. — 520 с.
27. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1919. — № 66. — Ст. 506.
28. Скрипченко Н.Ю. К вопросу о понятии мер уголовно-правового характера / Н.Ю. Скрипченко // Ежегодник уголовного права. — 2012. — № 6. — С. 296–301.
29. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. — М. : Юркнига, 2003. — 480 с.
30. Трубников В.М. Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение: проблемы, поиски, решения / В.М. Трубников, А.А. Яровой // Право і безпека. — 2003. — № 2'3. — С. 138–144.
31. Уголовное право России: Часть Общая : учебник / Р.Р. Галиакбаров, И.Я. Козаченко, Л.Л. Кругликов и др. ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. — 3-е изд. — М. : Проспект, 2012. — 568 с.
32. Филимонов В. Понятие и классификация мер уголовно-правового характера / В. Филимонов // Уголовное право. — 2012. — № 4. — С. 35–41.
33. Хавронюк М.І. Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають / М.І. Хавронюк // Юридичний вісник України. — 2013. — № 21 (934). — С. 6–7.
34. Цветанович А.Л. Дополнительные наказания в советском уголовном праве / А.Л. Цветанович. — Калининград : КГУ, 1980. — 68 с.
35. Энциклопедия уголовного права. — СПб. : Изд. проф. Малинина ; СПб ГКА, 2009. — Т. 12 : Иные меры уголовно-правового характера. — 463 с.
36. Chankseliani M. Punishment and Other Penal Measures / M. Chankseliani // European Special Journal. — 2013. — Vol. 8. — № 2. — P. 98–108.
37. Jakulin V. The Liability of Legal persons for Criminal Offences in French and Slovene Criminal Law / V. Jakulin // Slovenian Law Review. — 2009. — Vol. 6. — Iss. 1/2. — P. 35–42.
38. Langsted L.B. Criminal Law in Denmark / L.B. Langsted, P. Garde, V. Greve. — 3rd rev. ed. — Great Britain : Kluwer Law International, 2011. — 246 p.
39. Monterosso S. Punitive Criminal Justice and Policy in Contemporary Society / S. Monterosso // Queensland University of Technology Law Review. — 2009. — Vol. 9. — № 1. — С. 13–25.
40. Stojanovski V. Criminal Liability of Legal Persons in the Republic of Macedonia [Electronic resource] / V. Stojanovski. — Mode of access: <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/trest/stojanowski.pdf>.

REFERENCES

1. Antonova E.Yu. To the reasonability of corporate entities criminal responsibility. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in XXI century. IV International Academic and Research Conference proceedings]. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2007, pp. 152–155. (In Russian).
2. Bagrii-Shakhmatov L.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie* [Criminal responsibility and punishment]. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1976. 384 p.

3. Batanov A.N., Kostyuk M.F., Posokhova V.A., Kalinina T.M. *Ponyatie i vidy inykh mer ugovovno-pravovogo kharaktera* [The other criminal-legal nature measures definition and types]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 320 p.
4. Belyaev V.G. Criminal law and mental insanity. In Makeev G.A., Akhmedov N.M., Belyaev V.G. (eds). *Voprosy profilaktiki obshchestvenno opasnykh deistvii, sovershaemykh psikhicheskimi bol'nymi* [The issues of prevention of socially dangerous acts committed by mentally ill]. Volgograd, Volgograd Medical Institute publ., 1981, pp. 14–15. (In Russian).
5. Grebenkin F.B. *Mery ugovovno-pravovogo kharaktera i ikh primenenie* [Measures of criminal and legal character and their application]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 264 p.
6. Grishko A.Ya., Zakharov A.A., Ivanov V.D., Shilov A.I., Filimonov O.V. (ed.). *Rossiiskoe ugovovno-ispolnitel'noe pravo* [Russian Criminal prosecution law]. Moscow, Law Institute of the MIA of Publ., 2000. 125 p.
7. Zhuk I.V. *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera i prinuditel'noe lechenie v ugovovnom prave Ukrainy. Avtoref. Kand. Diss.* [Compulsory medical nature measures and compulsory treatment in the criminal law of Ukraine. Cand. Diss. Thesis]. Kiev, 2009. 20 p.
8. Zvecharovskii I. Criminal-legal nature measures: concept, system, types. *Zakonnost' = Legality*, 1999, no. 1, pp. 36–39. (In Russian).
9. Ivanov K.N. Is it necessary to retain the confiscation of property as a form of criminal punishment. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and law*, 1958, no. 9, pp. 100–101. (In Russian).
10. Kalinina T.M., Paliy V.V. *Inye mery ugovovno-pravovogo kharaktera* [The other criminal-legal nature measures]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 150 p.
11. Kelina S.G. «The other criminal-legal nature measures» as a criminal law institute. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in XXI century. IV International Academic and Research Conference]. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2007, pp. 283–288. (In Russian).
12. Kolmakov P. The concept and essence of compulsory medical nature measures. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2003, no. 3, pp. 27–29. (In Russian).
13. Konovalova I. Compulsory measures of educational influence as a tool for the prevention of juvenile lucrative crimes. *Pravo i zhizn' = Law and life*, 2008, no. 125 (8). Available at: <http://www.law-n-life.ru/arch/n125.aspx>.
14. The Constitutional Court is against chemicals. *Yuridicheskii vestnik Ukrainy = Law herald of Ukraine*, 2013, July 13–19, pp. 9. (In Ukrainian).
15. Aleksandrov Yu.V., Antipov V.I., Volod'ko M.V. et al.; Kondrat'ev Ya.Yu., Klimentko V.A., Mel'nik M.I. (eds). *Kriminal'ne pravo Ukraini. Zagal'na chastina* [Criminal Law of Ukraine. General part]. Kiev, Pravovi dzherela Publ., 2002. 431 p.
16. Tatiya V.Ya., Pshonki V.P., Borisova V.I., Tyutyugina V.I. (eds). *Kriminal'nii kodeks Ukraini. Naukovo-praktichnii komentar* [The Criminal Code of Ukraine. Academic and research commentary]. 5th ed. Khar'kov, Pravo Publ., 2013. Vol. 1. 376 p.
17. Kurganov S. Criminal-legal nature measures. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2007, no. 2, pp. 59–63. (In Russian).
18. Borodin S.V., Kelina S.G., Kriger G.L., Kudryavtsev V.N. et al. *Kurs rossiiskogo ugovovno prava. Obshchaya chast'* [Criminal law course. General part]. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p.
19. Medzhidova A.B. Compulsory medical nature measures. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2007, no. 1, pp. 37–38. (In Russian).
20. Nazarenko G.V. The confiscation of property as a criminal-legal measure. *Protivodeistvie prestupnosti: ugovovno-pravovye, kriminologicheskie i ugovovno-ispolnitel'nye aspekty. Materialy 3-go Rossiiskogo kongressa ugovovno prava, 29–30 maya 2008 g.* [Crime counteraction: criminal-legal, criminological and penal executional aspects. III Russian Criminal law Congress proceedings, 29–30 May 2008]. Moscow, Prospekt Publ., 2008, pp. 83–85. (In Russian).
21. Ponomarenko Yu.A. The confiscation of property in Criminal law and legislation. *Protivodeistvie prestupnosti: ugovovno-pravovye, kriminologicheskie i ugovovno-ispolnitel'nye aspekty. Materialy 3-go Rossiiskogo kongressa ugovovno prava, 29–30 maya 2008 g.* [Crime counteraction: criminal-legal, criminological and penal executional aspects. III Russian Criminal law Congress proceedings, 29–30 May 2008]. Moscow, Prospekt Publ., 2008, pp. 651–652. (In Russian).
22. Ukrainian Law No. 1261-VII On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine in the sphere of state anti-corruption policy in connection with the implementation of the Action Plan to liberalize the EU visa regime for Ukraine dated 13 May 2014. *Ofitsiinii visnik Ukraini = Official herald of Ukraine Journal*, 2014, no. 45, art. 1182. (In Ukrainian).
23. Ukrainian Law No. 314-VII On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on the implementation of the Action Plan to liberalize the EU visa regime for Ukraine regarding the liability of corporate entities dated May 23, 2013. *Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraini = Verkhovna Rada of Ukraine Journal*, 2014, no. 12, art. 183. (In Ukrainian).
24. Ukrainian Law No. 222-VII On Amendments to the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of Ukraine (concerning the implementation of the Action Plan to liberalize the EU visa regime for Ukraine) dated 18 April 2013. *Ofitsiinii visnik Ukraini = Official herald of Ukraine Journal*, 2013, no. 46, art. 1629. (In Ukrainian).
25. Korobeev A.I. (ed.). *Rossiiskoe ugovovnoe pravo* [Russian criminal law]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1999. Vol. 2. 500 p.
26. Borzenkov G.N. et al.; Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds). *Rossiiskoe ugovovnoe pravo* [Russian criminal law]. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2006. Vol. 1. 520 p.
27. The guiding principles of the criminal law of the RSFSR, 1919. *Sobranie uzakonenii RSFSR = Collection of laws of the RSFSR*, 1919, no. 66, art. 506. (In Russian).
28. Skripchenko N.Yu. On the concept of criminal law nature measures. *Ezhгодnik ugovovno prava = Russian Criminal Law Annual*, 2012, no. 6, pp. 296–301. (In Russian).
29. Ter-Akopov A.A. *Prestuplenie i problemy nefizicheskoi prichinnosti v ugovovnom prave* [Crime and issues of nonphysical causation in criminal law]. Moscow, Yurkniga Publ., 2003. 480 p.

30. Trubnikov V.M., Yarovoi A.A. Compulsory medical measures and compulsory treatment: problems, finding solutions. *Pravo i bezpeka = Law and safety*, 2003, no. 2'3, pp. 138–144. (In Ukrainian).
31. Galiakbarov R.R., Kozachenko I.Ya., Kruglikov L.L. et al. *Ugolovnoe pravo Rossii: Chast' Obshchaya* [Russian criminal law: General Part]. 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 568 p.
32. Filimonov V.D. The conception and classification of criminal law measures. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2012, no. 4, pp. 35–41. (In Russian).
33. Khavronyuk M.I. Criminal-legal influence measures: what are they. *Yuridicheskii vestnik Ukrainy = Law herald of Ukraine journal*, 2013, no. 21 (934), pp. 6–7. (In Ukrainian).
34. Tsvetanovich A.L. *Dopolnitel'nye nakazaniya v sovetskom ugolovnom prave* [Additional punishments in Soviet criminal law]. Kaliningrad, KGU Publ., 1980. 68 p.
35. *Entsiklopediya ugolovnogo prava* [Encyclopedia of criminal law]. St. Petersburg, SPb GKA Publ., 2009. Vol. 12. 463 p.
36. Chankseliani M. Punishment and Other Penal Measures. *European Special Journal*, 2013, vol. 8, no. 2, pp. 98–108.
37. Jakulin V. The Liability of Legal persons for Criminal Offences in French and Slovene Criminal Law. *Slovenian Law Review*, 2009, vol. 6, iss. 1/2, pp. 35–42.
38. Langsted L.B., Garde P., Greve V. *Criminal Law in Denmark*. 3rd ed. Great Britain, Kluwer Law International Publ., 2011. 246 p.
39. Monterosso S. Punitive Criminal Justice and Policy in Contemporary Society. *Queensland University of Technology Law Review*, 2009, vol. 9, no. 1, pp. 13–25.
40. Stojanovski V. *Criminal Liability of Legal Persons in the Republic of Macedonia*. Available at: <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/trest/stojanowski.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисов Вячеслав Иванович — директор Научно-исследовательского института изучения проблем преступности им. академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор, академик НАПрН Украины, г. Харьков, Украина; e-mail: ivpz@apnru.rol.net.ua.

Батыргареева Владислава Станиславовна — заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института изучения проблем преступности им. академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, старший научный сотрудник, г. Харьков, Украина; e-mail: vladis2229@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Борисов В.И. Иные уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния / В.И. Борисов, В.С. Батыргареева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 125–139. — DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).125-139.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borisov, Vyacheslav I. — Director of Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems National Ukrainian Academy of Law Sciences, Doctor of Law, Professor, Academician of National Ukrainian Academy of Law Sciences, Kharkov, Ukraine; e-mail: ivpz@apnru.rol.net.ua.

Batyrgareieva, Vladislava S. — Deputy Director on scientific work of Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems National Ukrainian Academy of Law Sciences, Doctor of Law, Senior Researcher, Kharkov, Ukraine; e-mail: vladis2229@yandex.ru.

REFERENCE TO ARTICLE

Borisov V.I., Batyrgareieva V.S. The other criminal-legal consequences of committing socially dangerous acts. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 125–139. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).125-139.